

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

6

1977

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

Последовательную ленинскую позицию по вопросу о кустарях занял VII съезд КПТ (11—16 марта 1923 г.), указавший, что одновременно с очищением профсоюзов от испролетарских элементов «важной, первоочередной задачей» Компартии Туркестана и профсоюзов республики является «вовлечение в профсоюзы наемных рабочих кустарной промышленности»⁹.

Трудящиеся массы кустарей вовлекались не только в хозяйственное и профсоюзное строительство, но и в органы Советской власти.

На первых порах после победы Октября выборы в Советы проходили по профсоюзам. Поэтому активное участие в них принимали лишь те кустари, которые были объединены в профессиональные союзы. По мере укрепления диктатуры пролетариата расширялся круг избирателей, к выборам и участию в государственном управлении привлекались все новые слои трудового населения.

Большое значение для дальнейшего расширения советской демократии и привлечения к советскому строительству трудящихся кустарей и ремесленников имели решения VIII съезда РКП(б). Съезд указал на необходимость привлечения в городские Советы «не только представителей фабрично-заводского пролетариата, но и представителей всех трудящихся вообще»; избирательное право должно было «постоянно расширяться в зависимости от местных условий»¹⁰.

Радиограмма ЦК РКП(б), направленная в Туркестан 10 июля 1919 г., гласила: «...На основании принятой VIII съездом программы Коммунистической партии, в интересах политики рабоче-крестьянской власти на Востоке, необходимо широкое, пропорциональное населению привлечение туркестанского туземного населения к государственной деятельности без обязательной принадлежности к партии, удовлетворяясь тем, чтобы кандидатуры выдвигались мусульманскими рабочими организациями».

Проходившая тогда II Красная конференция мусульманских коммунистических организаций полностью одобрила указания ЦК РКП(б) о широком вовлечении местного трудового населения в общественно-политическую жизнь.

В «Положениях» о выборах в Советы 1920 г. указывалось, что «в Совет допускаются кустари-производители (т. е. кустари, не использующие наемный труд), даже в тех случаях, когда они сами в качестве мелких торговцев продают продукт своего труда»¹¹.

Кустари, не состоявшие в профсоюзах, участвовали в выборах в Советы по районам. В итоге выборов Советов 1920 г. в них прошло много кустарей.

Трудящиеся кустари избирались и в высшие органы власти республики. Так, среди делегатов VIII краевого съезда Советов (сентябрь 1919 г.), было 16 кустарей (6,3% делегатов), из них 15 — представители местных национальностей. Кустари составили 14,3% делегатов съезда из коренного населения¹². Среди делегатов IX краевого съезда Советов (сентябрь 1920 г.) было 6 кустарей (3,8%)¹³.

Таким образом, партийные и советские органы Туркестанской АССР уже в первые послеоктябрьские годы принимали действенные меры к вовлечению широких масс трудящихся кустарей и ремесленников в активное строительство новой жизни не только в производственной сфере, но и в профсоюзном движении, работе Советов и т. д. Это во многом способствовало успеху социалистических преобразований в ТАССР.

С. Н. Шакирова

⁹ Резолюции и постановления съездов Коммунистической партии Туркестана (1918—1924 гг.), стр. 186.

¹⁰ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК, изд. 8-е, ч. I, М., 1970, стр. 76.

¹¹ Известия ТуркЦИК, 11 февраля 1920 г.

¹² ЦГА УзССР, ф. Р-17, оп. 1, д. 249, л. 44, 621.

¹³ ПА УзФИМЛ, ф. 60, оп. 1, д. 516, л. 4.

ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ УЗБЕЧЕК КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

Традиционные головные уборы представляют наиболее интересным элементом всего комплекса национального костюма женщин-узбечек. Именно в этой сфере сильнее всего проявляется его специфика, причем в прошлом головной убор, имевший много вариантов, четко обозначал семейное положение узбечки. По головному убору и причёске можно было легко отличить девушку от молодой женщины, молодую мать от женщины, еще не имеющей детей, женщину средних лет от пожилой, вышедшей из брачного возраста. Переход от одной группы в другую сопровождался изменением формы головного убора, что отмечалось соответствующим обрядом¹.

¹ О. А. Сухарева, М. А. Бикжанова. Прошлое и настоящее селения Ай-кыран, Ташкент, 1955, стр. 121.

В узбекском языке термин «головной убор» («бош кийим») обозначает предметы разных видов: дуппи, калпок, гизза, бухнак, кийгич, чачкап, кулута, касави, лахак, а также разные головные платки — румол, салла (баш), лаки, пешанавант и т. д.

Дуппи состояла из следующих частей: верх (тепа), околышек (кизак), кант (джи-як) и подкладка (астар).

В зависимости от материала, из которого она изготовлена, способа шитья, вида узора, дуппи имеет несколько названий. Самыми популярными были тюбетейки ташкентского стиля «чаманда гул» дуппи — бархатные с белой вышивкой; «пироки» дуппи — сплошь вышитые цветными шелками крестом, а также «нозик» дуппи — бархатные, вышитые мелким бисером. Кроме того, тюбетейки отличались по областям (самаркандские, бухарские, намаганские и т. д.). Особенно характерны шахрисабзские и китабские тюбетейки, отличавшиеся орнаментом и техникой шитья.

В прошлом самым распространенным из женских головных уборов была кулута. Это круглая шапочка из хлопчатобумажной ткани; ее вышитая тесьмой круглая макушка пришита в сборку. Она состояла из трех частей: переднего околыша, доннышка и накосника. Однако имелась кулута и без накосника². Девичья шапочка отличалась от женской отсутствием накосника. Переднюю часть кулуты шили из двух прямоугольных полос. Задняя часть представляла собой прямоугольную полосу, которая спускалась с доннышка и кроилась из одного куска материи прямоугольной формы.

В этнографической литературе приводятся материалы о зимнем головном уборе кулута — мягкой шапочке, которую жители кишлака Камаша Каршинского района Кашкадарьинской области именовали сарпушак. Характерно, что эту шапочку не делали на вате. Накосник шили в виде мешочка с открытым низом, и сквозь него пропускались волосы, заплетенные в две косы. У полукочевого населения кулуту этой формы надевали лишь на покойниц³.

Исследователи одежды народов Средней Азии не считали кулуту девичьим головным убором. Например, Р. Я. Рассудова писала, что в Самаркандской области и верховьях Кашкадарьи шапочку чачкап (нередко их называли и кулута) надевали только старухи. Тем не менее обнаруживаются материалы, утверждающие, что кулута в старину была и девичьим головным убором. Тот же автор приводит сведения о том, что в Матче их носили все женщины и даже девочки⁴. С. П. Русейкина, ссылаясь на В. В. Крестовского⁵, считает, что кулута была также девичьим головным убором⁶.

Нашими исследованиями выявлено, что кулута была известна и под названием кийгич. В покрое их никаких различий не имелось. Кийгич встречается у населения Самаркандской области⁷, зарафшанских кипчаков⁸. Подобные шапочки под названием кийгич, чачкап бывали также в районах Кашкадарьи и Ферганской долины. Там их надевали старухи. У киргизов этот убор (под названием кеп-чач) был основной частью тюрбана элечек — головного убора женщин всей Киргизии XIX — начала XX в.⁹ У казахов он известен как шапка¹⁰; распространен и у татар-мишар¹¹.

В кишлаках Камаша, Мираки и ряде других мест Кашкадарьинской области головные уборы женщин среднего и пожилого возраста были известны под названием култапушак¹². А в кишлаке Джейнау и некоторых других местах молодые женщины после рождения первого ребенка также носили култапушак.

Другой девичий головной убор — касави — делали из картона или нескольких листов бумаги либо из старого материала в виде цилиндра и обертывали шелковым или простым красным либо бордовым платком, причем концы завязывались, а макушка оставалась открытой. По материалам К. Шаниязова, касави надевали карлукчи Шурчинского района при переезде в дом мужа и не снимали его в течение 40 дней, а в

² К. Шаниязов. Узбеки-карлуки, Ташкент, 1964, стр. 117.

³ Этнографические очерки узбекского сельского населения, М., 1969, стр. 124.

⁴ Р. Я. Рассудова. Материалы по одежде таджиков верховьев Зеравшана. в кн. «Традиционная культура народов Передней и Средней Азии». Сборник МАЭ, т. XXVI, Л., 1970, стр. 30.

⁵ В. В. Крестовский. В гостях у эмира Бухарского, Русский вестник, т. 72, 1884, стр. 56.

⁶ С. П. Русейкина. Народная одежда таджиков Гармской области Таджикской ССР, СЭС, II, М., 1959, стр. 198.

⁷ Этнографические очерки узбекского сельского населения, стр. 124.

⁸ К. Ш. Шаниязов. К этнической истории узбекского народа, Ташкент, 1974, стр. 264.

⁹ К. И. Антипина. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов, Фрунзе, 1962, стр. 253.

¹⁰ И. В. Захарова, Р. Д. Ходжаева. Казахская национальная одежда, Алма-Ата, 1964, стр. 106.

¹¹ Р. Г. Мухамедова. Татары-мишары, М., 1972, стр. 101.

¹² Узбек халқ шекалари лугати, Тошкент, 1971, стр. 152.

дальнейшем надевали при посещении свадеб. У карлуков Кассанского района касаву носили девочки за 3—4 года до замужества¹³.

Этот головной убор был широко распространен в Средней Азии, но формы его были различными. Например, у туркменок его делали из плетеной соломки, причем верхние края немного округляли. Ближайшие аналоги ему представляли головные уборы кунградских¹⁴, карлукских¹⁵, дурменских¹⁶ женщин. Он напоминал также касаву туркменок правобережья Амударьи¹⁷ и туркменок-нохурлы¹⁸.

Один из старинных элементов женских головных уборов — лачак. Задняя часть его спадала на спину углом, а передняя, более короткая, закрывала плечи и часть груди. Для лица был сделан специальный вырез. Лачак плотно натягивали под подбородком, не закрывая ушей. В некоторых районах, в частности дельте Амударьи, лачак сзади имел ромбовидную форму, углом ниспадающую на спину; спереди в нем делали овальный вырез для лица. Таким же в старину был и покрыв туркменского лачака. В Самарканде его шили из продолговатого куска ткани. В Южном Хорезме лачак не носили: там при наворачивании чалмы одну петлю спускали на грудь и пропускали под подбородком так, что она обрамляла лицо¹⁹.

По материалам К. Шаниязова, лачак носили также карлукки Алатского и Кассанского районов. Последние надевали лачак сразу после перехода в дом мужа, а карлукки Алатского района — после рождения двух-трех детей²⁰.

Традиционный головной убор узбеков Хорезма имел несколько вариантов. Так, девичьим головным убором была конусообразная шапочка тахья, а женским — лачак, или башурау. В Южном Хорезме основу головного убора составляла стеганная тахья, поверх которой наворачивали (в виде не очень широкой, но высокой чалмы) платки, шелковые турме, белую бумажную ткань или кисею. Последняя, обрамляя лицо, свешивалась от подбородка в виде петли и закрывала шею и грудь.

Лачак надевали после рождения первого сына, и в этой связи устраивали лачак-той. У молодых женщин в цвете лачака преобладали красные тона, а после сорока лет принято было носить лачак белого цвета.

Узбечки Северного Хорезма (дельта Амударьи) носили чалмообразный головной убор башурау, а лачаком у них именовалась только составная часть этого старинного женского головного убора особого покроя. Сложенный лачак имел в плане неправильную ромбовидную форму. Задняя сторона его, облегавшая голову, спадала по спине углом, а передняя, имевшая вырез для лица, закрывала плечи и часть груди²¹.

О. А. Сухарева писала, что старинный женский головной убор в виде куска ткани, свешивавшегося под подбородком, носил в большинстве районов Узбекистана название лачак, а у киргизов и казахов — элечек. Этимология этого термина пока остается неясной.

Покрыв лачака был различным. В одних местах он представлял собой прямоугольный кусок ткани, два конца которого сшивались (сшивка приходилась на темень), а два других свободно свисали вниз. В других местах, например, в долине Кашкадарьи и в Ташкенте, кусок ткани, составлявший лачак, имел гораздо большие размеры. В нем прорезали овальное отверстие для лица и набрасывали на голову, причем он прикрывал также спину и грудь. Такой покрыв лачака имеет несомненное генетическое родство с казахским и каракалпакским женским убором кимешек. Это был большой кусок ткани с прорезью для лица, окутывавший всю фигуру женщины, доходя сзади почти до пят²².

¹³ К. Шаниязов. Узбеки-карлуки, стр. 119.

¹⁴ В. И. Симонова. Головной убор узбечки-кунградки салла или баш, в кн. «Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии», М.—Л., 1959, стр. 249—250.

¹⁵ К. Шаниязов. Узбеки-карлуки, стр. 119.

¹⁶ Н. Г. Борозна. Материальная культура узбеков Бабатага и долины Кафирнигана, в кн. «Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана», М., 1966, стр. 114.

¹⁷ Н. А. Пиркулиева. Головные уборы женщин Средней Амударьи в конце XIX — начале XX веков, в кн. «Тезисы докладов на сессии, посвященной итогам полевых этнографических и антропологических исследований в 1974—1975 гг.», Душанбе, 1976, стр. 176.

¹⁸ Г. П. Васильева. Туркмены-нохурлы, в кн. «Среднеазиатский этнографический сборник», т. I, М., 1954, стр. 170.

¹⁹ Народы Средней Азии и Казахстана, т. I, М., 1962, стр. 302.

²⁰ К. Шаниязов. Узбеки-карлуки, стр. 114.

²¹ К. Л. Задыхина. Узбеки дельты Амударьи, АЭРХЭ, 1945—1948 гг., I, М., 1952, стр. 378 и след.

²² О. А. Сухарева. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии, Среднеазиатский этнографический сборник. Труды Института этнографии, н.с., т. XXI, М., 1954, стр. 306.

Хотя лачак отличался от казахского²³ или каракалпакского кимешека²⁴, они имели некоторое генетическое сходство²⁵.

Аналогичен описанному женский головной убор кишлака Такатукилди Чиракчинского района Кашкадарьинской области, именуемый термином «кийик».

Насколько нам известно, термин «лачак» не встречается в словарях и рукописях до XV в. В последующий период он обозначает женский головной убор. Об этом свидетельствуют и сочинения Алишера Навои. В словаре произведений Навои сказано, что лачак — это головной убор женщины, и перечислены его синонимы — чорси, ру-мол, дакана.

Тун узори ойдину ойдинда субх эркинму,

Ба ё сочингда бурунчак²⁶ уза лачакму экан²⁷.

Таким образом, лачак имеет весьма древнее происхождение, о чем свидетельствует распространение его в разных районах и у различных народов Средней Азии. Изображение подобных ему женских головных уборов мы видим на миниатюрах XIV—XVII вв.²⁸

И сейчас еще изредка встречаются своеобразные головные убory, сохранившие прошлые формы, покрои, манеру ношения. Например, известны головные убory под названием «салла» или «баш»²⁹, «башурау» и др. Ношение салла или баша было связано с семейным положением женщин и одновременно подчеркивало зажиточность их мужей³⁰.

Из рассказов информаторов выяснилась еще одна характерная черта ношения головных уборов салла или баш. По традиции, их подолгу не снимали старушки, а молодые женщины снимали иногда раз в неделю. При этом старались не нарушить порядок наматывания салла или баш. Старушки на ночь платки не снимали. Они повязывали голову еще одним большим платком, сложенным в треугольник, свободные концы которого завязывали под подбородком. И это понятно, ибо для наматывания в определенном порядке 12—15 и даже 17 платков требовалось много времени. Под нашим наблюдением, например, Кизларбиби Умирова больше часа наматывала салла из семи-метрового кийгича и баша в составе 12 разных платков.

По рассказам информаторов, в старину головной убор отражал имущественное расслоение и социальное положение женщины. Поэтому головной убор «салла» или «баш» резко подразделялся на две группы: «бай баш» и «камбагал баш»³¹. Известны были также термины «салла» и «саллача».

Внешнее оформление салла было наиболее интересным элементом традиционного головного убора узбеков. Несколько алых, красных, белых или цветных платков наматывали над шапочкой кийгич или кулута, оставляя открытым темя, и это называлось туба или талча. Там, между прочим, хранили спички, иглы, нитки, ключи, кошелек с деньгами, носовые платки и т. д.

По материалам К. Шаниязова, известно, что в старину женщины кишлака Карлук Кассанского района Кашкадарьинской области носили головные убory «шох бош»³². Наши полевые этнографические материалы позволили получить представление о них. Осведомительницы рассказывали, что в прошлом женщины во время свадьбы или религиозного праздника хайит носили большой головной убор, состоявший из десятков разных по расцветке и размеру платков. Составленный из них пышный высокий убор назывался «чимбар шох бош».

²³ У. Х. Шалекенов. Казахи низовьев Амударьи, Ташкент, 1966, стр. 233.

²⁴ Т. А. Жданко. Каракалпаки Хорезмского оазиса, Труды Хорезмской экспедиции, т. I, М., 1952, стр. 554.

²⁵ О. А. Сухарева. Древние черты..., стр. 305—306.

²⁶ В сочинении Махмуда Кашгарского (т. I, стр. 467) в значении «платок» выступает термин «бурунчак». Он встречается и в произведениях А. Навои.

²⁷ Навоий асарлари луғати, Тошкент, 1972, стр. 334.

²⁸ Народы Средней Азии и Казахстана, т. I, М., 1962, стр. 302; Л. Т. Гюзаян, М. М. Дьяконов. Иранские миниатюры в рукописях «Шах-намэ» Ленинградских собраний, Л., 1935, табл. 3, 39; Г. А. Пугаченкова. К истории костюма Средней Азии и Ирана XV — первой половины XVI в. по данным миниатюры, Труды САГУ, Новая серия, вып. 82, Ташкент, 1956, илл. 13, 18.

²⁹ В. И. Симонова. Головной убор..., стр. 249—250.

³⁰ О. А. Сухарева. Древние черты..., стр. 305—306.

³¹ В. И. Симонова. Головной убор..., стр. 249; К. И. Исмаилов. Женские головные убory узбекского населения бассейна Кашкадарьи в конце XIX — начале XX вв., в кн. «Тезисы докладов на сессии, посвященной итогам полевых этнографических и антропологических исследований в 1974—1975 гг.», Душанбе, 1976, стр. 150.

³² К. Шаниязов. Узбеки-карлуки, стр. 119—122, рис. на стр. 121.

Этнографы, специально занимающиеся изучением женских головных уборов народов Средней Азии (Писарчик, Сухарева), высказали предположение, что чалмообразный женский головной убор первоначально появился у тюркоязычных народов Средней Азии³³.

Салла была, очевидно, древним женским головным убором, а в XIX в. происходит постепенное изживание ее. Так, в Самарканде саллу женщины перестали носить еще в середине XIX в., в Ташкенте и Андижанской области — с последней четверти прошлого столетия. У потомков в прошлом полукочевых узбекских племен она местами сохраняется в измененной форме и поныне.

Формы женской чалмы несколько различались у разных групп узбеков³⁴. Например, в Зарафшанской долине чалма была известна под термином «салла» или «бошу-рау». Ее носили женщины средних лет. Она состояла из двух, реже — трех кусков материи. Первый (нижний) представлял собой 4—5 м мягкой ткани разной расцветки. Его складывали продольно вдвое и обматывали голову 5—6 раз и более.

Считалось, что размеры чалмы и количество витков характеризовали богатство мужа. Поэтому состоятельные женщины навивали поверх первого второй кусок материи. Он был относительно короче (его хватало на 3—4 оборота) и отличался от первого по окраске. Затем обертывали голову третьим, самым коротким куском. Оба конца его, вышитые узором, свисали на спине. Пожилые женщины носили чалму из цельного (5—6 м) куска мягкой белой материи³⁵.

В старину чалма была убором женщины-матери: ее надевали после рождения первого ребенка. Первое повязывание чалмы сопровождалось соответствующими обрядами. Позднее чалму стали впервые надевать после рождения первого внука³⁶.

Салла или баш, шох бош, чамбар шох бош и другие высокие головные уборы разных народов Средней Азии имели много общих черт³⁷.

Дальнейшее изучение традиционных головных уборов женщин и вообще коренного населения республик Средней Азии и Казахстана представляет, несомненно, большой интерес для этнографической науки, ценный источник для исследователей истории материальной культуры, жизни, быта, традиций народов этого обширного региона.

Х. Исмаилов

³³ В. И. Симонова. Головной убор..., стр. 249.

³⁴ Народы Средней Азии и Казахстана, т. I, М., 1962, стр. 302.

³⁵ К. Ш. Шаниязов. К этнической истории узбекского народа, стр. 265.

³⁶ Народы Средней Азии и Казахстана, т. I, стр. 302.

³⁷ О. А. Сухарева. Древние черты..., стр. 303.

ОБ АВТОРСТВЕ СТИХОТВОРЕНИЯ, ПРИПИСЫВАЕМОГО ФАРАБИ

В X в. в Бухаре жил и творил арабоязычный поэт Абу Наср ибн Хузайм ал-Хузайми ал-Муафа. Выдающийся литератор и историк Абу Мансур Абдулмалик ас-Саалиби (961—1038), включив его в четвертую часть своей известной антологии «Ятимат ад-дахр фи махасин ахл ал-аср» («Редкая межушина о достоинствах людей своего века»), привел следующие краткие сведения об этом поэте: «Литератор и поэт из Абиварда, он автор книги «Красоты поэзии и самые милые из красот»¹. Он много времени проводил в Бухаре на службе у [саманидских] эмиров и достойных людей [этого] города, изучал ее прекрасные памятники. Затем он возвратился в Абивард, где отдавался праведной жизни. Его стихи были собраны в диван в Бухаре и Абиварде»².

Ас-Саалиби включил в свою антологию 60 байтов — отрывков из поэтического наследия ал-Хузайми, по которым можно установить некоторые факты о жизни поэта. Его касида, посвященная поэту Абу-л-Касиму ал-Искафи (ум. примерно в 955—956 гг.)³, элегия, написанная по случаю смерти саманидского эмира Абдулмалика (954—961), и касида в честь везира Абу Али ал-Бал'ами (960—974) свидетельствуют о том, что ал-Хузайми жил в середине X в. В 60-х годах он был зрелым и известным поэтом, а умер в конце X в.

¹ Эта не дошедшая до нас книга по-арабски называется «Махасин аш-шир ва ахасин ал-махасин».

² *يَتِيْمَةُ الدَّهْرِ فِي مَحَاسِنِ أَهْلِ الْعَصْرِ لَا بِي مَنْصُورِ عَبْدِ الْمَلِكِ بْنِ مُحَمَّدٍ*
ابن إسماعيل الثعالبي النيسابوري الجزء الرابع القاهرة ١٣٧٧/١٩٥٨ ص ١٢٩
(далее: «Ятимат ад-дахр»). Об ал-Хузайми см. еще: И. А. Абдуллаев. Бухоро-
нинг арабийнавис шоирлари, Тошкент, 1963, стр. 45—47.

³ О нем см.: «Ятимат ад-дахр», т. 4, стр. 95—100; И. А. Абдуллаев. Указ.
соч., стр. 25—29.

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

2

1983

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ХАШАР И ЕГО РОЛЬ В ТРУДОВОМ И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОМ ВОСПИТАНИИ МАСС

В своей многогранной работе по трудовому, патристическому, интернациональному, нравственному воспитанию масс Коммунистическая партия широко и эффективно использует многообразный арсенал действенных средств, в том числе лучшие народные обычаи и обряды, наполнившиеся в советское время новым, социалистическим содержанием.

Как и все народы нашей страны, узбекский народ также выработал за свою многовековую историю немало замечательных традиций, среди которых видное место занимают обычаи, непосредственно связанные с трудовыми процессами, и прежде всего — хашар — добровольная трудовая взаимная помощь людей.

Вообще говоря, такой обычай, как взаимопомощь людей в трудоемких работах, присущ не только узбекам, но и другим народам, но проявлялся и проявляется он в разных формах, выступая в многочисленных вариантах, имеющих свою специфику. Изучение показывает, что в прошлом у узбеков хашар применялся, как правило, для выполнения трудоемких работ — сельскохозяйственных, ирригационных, строительных и др.

Так, в процессе сельскохозяйственных работ хашары устраивали при выносе удобрений на поля, пахоте, севе сельскохозяйственных культур, окучке посевов, уборке урожая, молотье, заготовке корма для домашних животных (пичан хашар) и др.

Самым распространенным и повсеместным был хашар на строительстве жилых домов, хозяйственных и вспомогательных помещений, общественных зданий. По обычаю, возведение стен следовало закончить в один день. Поэтому при строительстве жилых и иных зданий хашар созывался трижды: «двор хашар», «том хашар» и «сувок хашар»¹.

Наряду с массовыми коллективными работами проводились и, так сказать, мелкие хашары, в которых участвовали члены семьи, соседи, родственники, близкие. Продолжались такие хашары, как правило, всего несколько часов. При этом выполнялись следующие работы: возведение стены вокруг кургана, хавли, штукатурка стен дома, ремонт жилища и т. д.

Следует отметить, что в дореволюционный период народный обычай хашара всячески стремились использовать в своекорыстных целях эксплуататорские классы. Дехкан, например, созывали в порядке установленной очереди для ведения полевых работ на ханских удельных землях, в феодально-байских хозяйствах, у представителей духовенства, причем зачастую они работали со своим рабочим скотом.

Крупные баяны, амайдоры, представители духовенства нередко вообще стремились проводить все трудоемкие работы в своих хозяйствах за счет безвозмездной эксплуатации трудового дехканства. Например, в день пахоты дехкан созывали на поля крупных землевладельцев, где они работали со своим инвентарем и рабочим скотом от восхода до захода солнца. Так под видом хашара в феодальном обществе практиковалась барщина². «Во многих, особенно зажиточных дехканских хозяйствах узбеков», — писал П. Алексеенков, — часто практиковался «хашар» (взаимопомощь), пережиток общинно-соседских отношений, превращенный в орудие эксплуатации и прикрытый нормами соседского обычного права. Зажиточные крестьяне приглашают на уборку урожая соседей, которым за работу не платят, а ограничиваются устройством угощения»³.

Хашар применялся и в ирригационных работах — сооружение дамб, плотин, каналов, ежегодная очистка оросительных сетей, хаузов, борьба с эпизодическими вод-

¹ Об этом подробно см.: Шаниязов К. Ш., Исмаилов Х. И. Этнографические очерки материальной культуры узбеков конца XIX — начала XX в. Ташкент, 1981, с. 40—41.

² См.: Шаниязов К. Ш. Узбеки-карлуки. Ташкент, 1964, с. 135; Кисляков Н. А. Патриархально-феодалные отношения в Бухарском ханстве. — В кн.: Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии. М.—Л., 1959, с. 95.

³ Алексеенков П. Аграрный вопрос в Афганском Туркестане. М., 1933, с. 47, 60, 67, 73.

ными катастрофами и т. д. выполнялись коллективным трудом многих людей, причем они обязаны были делать это в порядке государственных феодальных повинностей⁴.

Так сформировавшийся в среде народных масс замечательный обычай трудовой взаимопомощи превращен был в орудие эксплуатации трудящихся феодальным государством, светскими и духовными феодалами, баями, что, впрочем, характерно и для многих других народных традиций дореволюционной поры.

За годы Советской власти народный обычай—хашар обрел новое, социалистическое содержание и ныне полностью служит интересам советского общества, нашего народа. Он стал выражением коллективизма, братской солидарности, социалистической взаимопомощи советских людей. Широкое применение методов хашара в сооружении жилищ, культурно-бытовых объектов, создании ирригационной сети и иных трудоемких работах—замечательное явление, имеющее большое значение в трудовом, патристическом и интернациональном воспитании народных масс, особенно подрастающего поколения.

Ярким примером тому служит всенародный поход за «большую воду», развернувшийся в предвоенные годы. Для улучшения водоснабжения Вуадильского и Ферганского районов колхозники в начале 1939 г. методом хашара построили Лаганский канал. В течение 17 дней 14 000 человек проложили канал длиной 32,6 км, что позволило резко улучшить водоснабжение этих районов и оросить 2500 га новой земли. Эта водная артерия вступила в строй в дни, когда проходил XVIII съезд партии и народ назвал ее каналом имени XVIII съезда партии.

Только весной 1939 г. методом народной стройки в республике было создано 46 крупных ирригационных сооружений, 450 км новых каналов.

Затем началось строительство Большого Ферганского канала, предназначенного для орошения и улучшения водоснабжения 24 районов Ферганской, Андижанской областей Узбекской ССР и Ленинабадской области Таджикской ССР. Строительство началось 1 августа 1939 г. и закончилось 15 сентября при участии 100 тыс. колхозников и горожан Узбекистана и Таджикистана. За 45 дней был проложен канал длиной 270 км с 46 крупными и 245 мелкими водными сооружениями.

В феврале-марте 1940 г. 85 тыс. колхозников Ферганской и Ленинабадской областей построили Северный Ферганский канал; 48 тыс. колхозников Кувинского, Ташлакского, Ферганского, Маргиланского районов Ферганской области провели Южный Ферганский канал⁵.

Большой Ферганский канал был подлинно интернациональной стройкой. Вместе с узбеками и таджиками там работали киргизы, казахи, грузины, каракалпаки, уйгуры, русские, туркмены, украинцы, белорусы, татары, корейцы и многие другие. Их совместный труд еще более укреплял братскую дружбу народов нашей страны.

Замечательная инициатива и опыт ферганцев были подхвачены трудящимися других областей Узбекистана на строительстве каналов, дорог, электростанций и т. д. В это движение включились и труженики других республик Союза.

Строительство Большого Ферганского канала вызвало огромный интерес и за рубежом. Даже буржуазная печать была вынуждена дать ему высокую оценку. Так, в английском журнале «Уорлд Ньюс энд Вьюс» («Мировое обозрение») была помещена статья, в которой говорилось: «Ферганский канал является результатом инициативы колхозников одной из наиболее отсталых в прошлом окраин царской России. Крестьяне—не европейцы, но сыны Азии, сыны народа, которые еще двадцать лет тому назад стонали под ярмом своих землевладельцев, русских колонизаторов и собственного невежества»⁶.

В истории дальнейшего развития народного обычая хашара особое место занимает восстановление Ташкента после землетрясения 1966 г. В строительстве нового Ташкента участвовали люди со всех концов нашей необъятной страны, всех национальностей и народностей Советского Союза. Строительство нового Ташкента явилось ярким выражением интернационализма, братской солидарности советских людей, стало подлинной школой трудового героизма, убедительным свидетельством животворной силы истинно народного обычая—хашара.

Об этом свидетельствует и славная эпопея освоения Голодной и Джизакской, Каршинской и Сурхан-Шерабадской степей, земель Центральной Ферганы и т. д. Только в освоении Каршинской степи участвовали представители 53 национальностей, а в генеральном наступлении на Голодную степь—представители свыше 90 национальностей и народностей страны.

Ныне в городах и селах республики, как и по всей стране, силами широкой общественности проводятся крупные работы по благоустройству жилых кварталов, дорог, озеленению улиц, парков, строительству школ, клубов и других культурно-просветительных и коммунально-бытовых объектов, спортивных сооружений и др. Например, в совхозе им. Кирова Кировского района Ферганской области методом хашара был создан целый комплекс спортивных сооружений на 114 тыс. руб.

Поистине всенародными хашарами стали коммунистические субботники. Если в 1972 г. в субботнике, посвященном 50-летию СССР, в нашей республике участвовало

⁴ См.: Народы Средней Азии и Казахстана. Т. I. М., 1962, с. 202; Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1957.

⁵ Вахабов М. Г. Формирование узбекской социалистической нации. Ташкент, 1961, с. 567—568.

⁶ Терентьев И. Подвиг народа. М., 1940, с. 108.

5 млн. человек, в 1979 г.— более 7 млн., то во Всесоюзном хушаре, посвященном 60-летию образования СССР, в Узбекистане приняло участие более 9 млн. человек.

Характер всенародной трудовой взаимопомощи принимают также хлопкоуборочные кампании. Так, благодаря широкому участию не только сельского, но и городского населения, особенно учащейся молодежи, в 1982 г., несмотря на тяжелейшие погодные условия, было собрано — третий год подряд — свыше 6 млн. т «белого золота».

Труженики республики принимают активное участие в строительстве БАМа и подъеме экономики Нечерноземья, прокладке гигантского газопровода Уренгой—Ужгород и многих других всесоюзных стройках, проявляя образцы творческого, самоотверженного труда.

Так славные трудовые традиции советского народа, в том числе хашар, оказывают огромное воспитательное воздействие на советских людей, формируя у них новое, высокосоциальное, коммунистическое отношение к труду, чувства коллективизма, горячего патриотизма и интернационализма, умножая силы в борьбе за общее дело — победу коммунизма.

Х. Исмаилов

ЗАБОТА КОМПАРИИ УЗБЕКИСТАНА О ПОВЫШЕНИИ УРОВНЯ ПОДГОТОВКИ ПРОМЫШЛЕННЫХ КАДРОВ (конец 50 — начало 60-х годов)

Коммунистическая партия и Советское государство всегда уделяли особое внимание вопросам подготовки и воспитания кадров для всех отраслей народного хозяйства, повышения их квалификации и общей культуры. Первостепенное значение придается качественному росту кадров промышленного производства как одному из важнейших факторов дальнейшего развертывания индустриализации всей экономики страны, научно-технического прогресса, роста творческой активности масс. Большая работа в этом направлении была проделана уже в конце 50 — начале 60-х годов, что наглядно видно на примере нашей республики.

Так, исходя из указаний XX съезда КПСС о необходимости значительно расширить сеть заочных и вечерних отделений вузов и техникумов¹, партийная организация Узбекистана усилила внимание к вопросам улучшения их работы. ЦК КПУз, обкомы, горкомы, первичные партийные организации учебных заведений, предприятий стали глубже заниматься вопросами охвата трудящихся учебой.

IV пленум ЦК КПУз (12—13 марта 1957 г.), обсудив «Итоги февральского Пленума ЦК КПСС и задачи Коммунистической партии Узбекистана по улучшению руководства народным хозяйством» и исходя из перспектив развития промышленности республики, обязал Бюро ЦК КПУз рассмотреть вопрос об организации филиалов вечерних институтов и техникумов для расширения высшего и среднего специального образования без отрыва от производства.

На пленуме указывалось, что за последние годы в республике намного расширилась сеть заочных и вечерних отделений учебных заведений, возросло число студентов-заочников и вечерников. Тем не менее в этом деле еще имелись серьезные недостатки.

Например, на 1 декабря 1956 г., по данным единственного учета Статуправления УзССР, из 129 тыс. практиков, работавших в народном хозяйстве республики на инженерно-технических и руководящих должностях, без отрыва от производства обучались лишь 12,9 тыс. человек. Среди них недостаточно было лиц местной национальности.

Партийные органы приняли действенные меры к оживлению работы заочных и вечерних отделений и факультетов, увеличению контингента студентов. И если в 1957 г. в республике насчитывалось 30 180 обучающихся без отрыва от производства, то в 1961 г. их стало свыше 52 тыс. В 1956/57 учебном году в общем числе студентов вузов республики контингент студентов вечерних факультетов составлял 5,5%, заочных отделений — 33,3%, а к началу 1961/62 учебного года их общий удельный вес возрос до 50,4%. В средних специальных учебных заведениях на заочных и вечерних отделениях занимались 32,3% учащихся.

Только за 1959—1960 гг. количество обучающихся без отрыва от производства в высших и средних специальных учебных заведениях УзССР увеличилось более чем в 1,5 раза. Особенно быстро рос их контингент в технических учебных заведениях².

В условиях полного и окончательного завершения строительства социализма закономерно возросли во всех отношениях требования к кадрам, которые призваны были не только досконально знать свое дело, творчески подходить к нему, но и быть хорошими организаторами, уметь вести за собой массы. Исходя из этого, ЦК КП Узбекистана, местные партийные организации проделали значительную работу по подготовке и воспитанию кадров. 9—10 сентября 1959 г. XIV пленум ЦК КПУз специально обсудил вопрос «О состоянии и мерах улучшения работы с кадрами»³. На пленуме отмечалось, что причиной имеющихся в республике недостатков в подготов-

¹ См.: Отчетный доклад ЦК КПСС XX съезду партии. М., 1956, с. 98.

² Текущий архив ЦК КПУз за 1961 г.

³ «Правда Востока», 1959 г., 12 сентября.